

ДАВНО уже наш вездеходин оставил поэзии Улан-Удэ и взял курс на Кяхту. Скрылись со горизонтом фабричные дымные трубы, корпуса заводских зданий и жилых кварталов столицы Бурятской республики. Проплыли под фермами моста полноводная Селенга и округлые льдины шуги с белой каймой от гасящих волн — они похожи на какие-то сказочные ледяные линии. Впереди возникают смутные величественные очертания покрытых снегом гор, а вокруг — равная степь, по которой волно гуляют первые снежные вихри.

Вспоминаются слова А. П. Чехова: «Селенга — сплошная красота, а в Забайкалье я находил все, что хотел: и Кавказ, и долину Пса, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скакешь по Кавказу, ночью — по донской степи, а утром, очнешься от дремоты, глядь, уже Полтавская губерния — и так всю тысячу верст».

Ныне это разнообразие еще более разительно на фоне великого переустройства Забайкалья, когда прежние контрасты дополняются новыми и, конечно, не только пейзажными.

До Кяхты еще километров двести с лишним, но мысленно представляешь себе этот город бывшей славы — город, через который шли когда-то в Россию, в Европу караваны с чаем, шелками, шерстью, фарфором, словесной костью из Китая, Монголии, Индии; город, который прославили великие русские путешественники, начинавшие отсюда свой путь в неизведанные дали Центральной Азии... Каков же он сейчас, этот город? Ведь через него давно уже не проходят караваны верблюдов, а железная дорога обогнала его стороной. Нашел ли он свою новую судьбу?

— Посмотрите, право, — говорит наш попутчик бурятский писатель Дамдинжапов, — это узел Жергаланту, в переводе на русский язык — Долина радости.

Ну как не заглянуть в Долину радости, хотя, признаюсь, издана она и не прельщает красотами, особенно когда по ней метет поземки. И все же при ближайшем знакомстве оказалось, что название это не случайное. Все буряты, с которыми мы здесь встречались и разговаривали, изумительно хорошо, я сказал бы щедро, улыбаются. Значит, есть отчего.

А почему бы в самом деле не улыбаться председателю колхоза Цирегору Болданову, когда он говорит, что доход колхоза — в нем 307 дворов — в этом году равен пяти миллионам рублей, что на зимовых пасется семнадцать тысяч тонкорунных овец, а на фермах — 1700 голов крупного рогатого скота? Да еще в личном хозяйстве каждого колхозника 2—3 коровы, 5—6 овец с приплодом и птицы сколько нужно. В улусе во всех домах электричество, а в некоторых уже и паровое отопление. Есть клуб, вечеринки очень оживленный, есть библиотека, кино, музей, гостиница для приезжающих.

Свадьбы бывают часто. Новобрачных поздравляет весь улус. В поэтических пожеланиях счастья поют: «Пусть жизнь ваша будет подобна ясному лицу луны, подобна сочным травам в лучшую пору весны» и пусть в семье будет «полное оделло детей».

Почему бы не улыбаться основателю этого колхоза, бывшему батраку, ныне персональному пенсионеру Трагичи Данзанову, когда он, преезжая из окна своей «Победы» на необычные пастбища и многочисленные отары овец? Главный механизатор, называемый его здесь. И это сущая правда, хотя никаких курсов он не кончал, а просто полюбил и «понял» первый же трактор, появившийся в улусе четверть века назад. Данзанов, по его словам, «своими руками дошел до тайны каждой машины, прибывающей в колхоз, освоил грузовые и легковые машины всех известных здесь марок, стал первым электрификатором, радиофикатором, а сейчас и теплофикатором своего колхоза».

Раньше боятся коня любят, а теперь машину любят, — уже не улыбается, а хохочет Данзанов. — Я — механизатор, один сын — инженер, а другой еще выше забирает — скоро училище кончит и летчиком будет.

О ПЯТЬ дорога. Горы все ближе, все круче, все краше. Когда машина остановилась в Ново-Селенгинске, мы увидели на центральной площади двухэтажный деревянный дом

К КАХТА. Поздний вечер, редкие огни, неясные очертания города. У входа в гостиницу — мемориальная доска: здесь проходил 1-й съезд Монгольской народно-революционной партии с участием Сухэ-Батора и Чойбалсана. Дежурная по гостинице объясняет, что они жили вот в этой комната. Кровати, диван и стол покрыты пурпурным плюшем, на полу и на стенах ковры, в углу огромная китайская ваза. Говорят, Монголия совсем рядом, чуть ли не за окном. Сквозь сон чудятся размытый шаг верблюжьего каравана, звон бубенчиков, перекличка голосов погонщиков. Но все это, конечно, только чудится.

С автомагистри доносятся гудки грузовиков и автобусов, из радиантов, где уже загораются электроогни, слышатся звуки радио. Бездеходник вырвал их, приутишил и ремеслу. И по нынешний день в музеях Республики хранится мебель, сделанная руками братьев-декабристов, картины, нарисованные Николаем.

Рядом с могилой Н. А. Бестужева — маленькая чугунная плита, на которой надпись: «Мария Николаевна Бестужева. Скончалась в 1867 г. декабря 7 дня в 39 году от рождения». Сейчас ранняя зима, а с гор даже безветренную пору идет неумолимый и жестокий поток всеобъемлющего и всепроникающего вершинного холода. А тогда был декабрь, глухая и глубокая зима, была однажды избушка, в которой умирала Мария 39 лет от роду, было безмолвие гор и безлюдье на сотни верст... Да, все это было вот здесь.

С автомагистри доносятся гудки грузовиков и автобусов, из радиантов, где уже загораются электроогни, слышатся звуки радио. Бездеходник вырвал их, приутишил и ремеслу. И по нынешний день в музеях Республики хранится мебель, сделанная руками братьев-декабристов, картины, нарисованные Николаем.

Сейчас в улусе коня любят, а теперь машину любят, — уже не улыбается, а хохочет Данзанов. — Я — механизатор, один сын — инженер, а другой еще выше забирает — скоро училище кончит и летчиком будет.

Сцена из оперы Б. Бриттена «Альберт Херинг».

Старая Кяхта нехотно раскрылась перед нами в сумеречное зимнее утро. Несколько зданий каменной кладки прошлого и позапрошлого веков и множество порыжевших от времени деревянных домов и домишок. Вот музей — в этом здании учился в начале XIX века первый бурятский ученик Доржи Банзаров. Вот дом, где родился академик Д. Н. Прянишников, где жил и работал академик В. А. Обручев, дом, в котором

Западные режиссеры не раз пытались акцентировать в спектакле черты болезненного «гофманства», привлекавшие фантасмагории, идеи бесслияния человека-марionетки перед всемогущим роком. Вальтер Фельзенштейн решительно опрокинул эти традиции, создав совершенно иную, по существу новый, вид спектакля. Три разрозненные новеллы — о трех любовных увлечениях Гофмана — превратились в три главы единого повествования. Гофман в спектакле не имеет ничего общего с тем опустившимися фантиком, которого привыкли изображать оперные режиссеры: здесь — пылкий романтик, влюбленный в жизнь и ненавидящий жалкий мирофон филистиков.

В «Сказках Гофмана» хор поет безусловно точно, чисто, слитно, и где не форсируя и умело сочтая естественное пение с неизреченным сценическим действием (хореограф Гюнтер Шмидт-Болдер). Отлично звучит оркестр — активный участник драмы; во всем спектакле ощущаются твердая рука и вкус его музыкального руководителя, чешского дирижера Вацлава Неймана.

Самой высокой оценки заслуживает тонкое и многогранное искусство певцов, исполнителей основных ролей. Проблема «звучания» в отрыве от сцены, от театрализованного образа вообще не возникает в этом коллективе. Каждый участник спектакля — синтетический актер, владеющий не только вокальным мастерством и высокой музыкальностью, но и всеми элементами актерской техники, включая безузорное эстрадное искусство диалога. В «Сказках Гофмана» на долю основных исполнителей выпадает особенно много трудностей, так как почти каждый из них играет по три-четыре различных ролей. Великолепен чешский певец Рудольф Асмус, создающий зловещие образы врагов и соперников поэта; он музыкант, хорошо владеет голосом и создает острые сценические портреты. Та же универсальность — при большом сценическом обаянии — отличает искусство Мелиты Мусели, играющей центральные женские роли. Необычайно привлекательный портрет Гофмана — великого поэта, мечтателя, романтика — создает Ганс Нокер: его мысль к живой жизни, к творчеству,

«Реконструкция» оперы, осуществленная Фельзенштейном, необычайно интересна и плодотворна. Лишил кое-какой реформатора и лишил задели хранили ткань музыки; и в эти моменты спектакль начинает восприниматься как обычная драма с музыкальным оформлением. Зато в лучших эпизодах достигнуто высокое совершенство синтетического искусства. Тановы прежде всего массовые сцены, где чуть затянувшиеся диалоги уступают место пленительному сочетанию пения и острого театрального зрелища.

В спектакле поражают прежде всего живость, естественность, динамика. Словно ожила бытовые картины начала прошлого века. Стильно, с щедрой красочностью и театральными размахами оформлен спектакль молодой художник Рудольф Генрих. Роскошь оформления, обилие богатых и красивых вещей как бы демонстрируют противоречия унылому аскетизму современного «условного театра».

Постановщики не прошли и мимо тех специфических деталей, которые отличают романтическую манеру Э. Т. А. Гофмана. Так возникают за-

сторонние полупантомимические образы чудаков, странных людей — одновременно смешных и чуть страшных. Все эти типично «гофманские» детали, однако, не выдвигаются на первый план, оттеняя основную реализмическую линию представления.

В «Сказках Гофмана» хор поет безусловно точно, чисто, слитно, и где не форсируя и умело сочтая естественное пение с неизреченным сценическим действием (хореограф Гюнтер Шмидт-Болдер). Отлично звучит оркестр — активный участник драмы; во всем спектакле ощущаются твердая рука и вкус его музыкального руководителя, чешского дирижера Вацлава Неймана.

Примечательно, что эти искания осуществляются в молодом коллективе, возрожденном в условиях демократической Германии. Сюда, в Восточный Берлин, охотно приезжают певцы и музыканты из Западной Германии, Швейцарии, Австрии, Чехословакии, чтобы вместе с мастерами из ГДР принять участие в новаторских спектаклях Фельзенштейна. Здание театра постоянно наполняют зрители из обеих частей Германии, и его спектакли служат делу единения германского народа.

Первые два спектакля «Комиссии опер» в Москве — «Сказки Гофмана» и «Альберт Херинг» — вызвали живейшие отклики столичной аудитории.

Около восьмидесяти лет живет на сцене лирико-фантастическая опера Оффенбаха «Сказки Гофмана». За эти годы чудесное творение французского мастера успело обрасти множеством постановочных и музыкальных штампов.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛITERATURNAJA GAZETA

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Год издания 31-й
№ 144 (4110)
Вторник,
24
ноября
1959 г.
Цена 40 коп.

ВСТРЕЧИ В ДОРОГЕ

А. ВЕЛИЧКО

старинной архитектуры с колоннами и мезонином. И первый же прохожий, не онджа, расспросил, сказал нам:

— Этот дом Бестужев строил. Декабрист. А сам он жил вон там, за горой, в избушке, которой давно уже нет. Там и умер.

В пяти километрах от дороги, на пустынном и кругом берегу Селенги, вьются чугунные надгробия над могилами декабристов Николая Александровича Бестужева и Константина Петровича Торсона. Бурята обнесли могилы каменной оградой и украсили надгробья венками. Железные листья искусственных цветов переплетаются с уже покрытыми снегом живыми цветами. Николай Бестужев и его брат Михаил оставлены о себе в народе.

— Посмотрите, право, — говорит наш попутчик бурятский писатель Дамдинжапов, — это узел Жергаланту, в переводе на русский язык — Долина радости.

Ну как не заглянуть в Долину радости, хотя, признаюсь, издана она и не прельщает красотами, особенно когда по ней метет поземки. И все же при ближайшем знакомстве оказалось, что название это не случайное. Все буряты, с которыми мы здесь встречались и разговаривали, изумительно хорошо, я сказал бы щедро, улыбаются. Значит, есть отчего.

А почему бы в самом деле не улыбаться председателю колхоза Цирегору Болданову, когда он говорит, что доход колхоза — в нем 307 дворов —

в этом году равен пяти миллионам рублей, что на зимовых пасется семнадцать тысяч тонкорунных овец, а на фермах — 1700 голов крупного рогатого скота? Да еще в личном хозяйстве каждого колхозника 2—3 коровы, 5—6 овец с приплодом и птицы сколько нужно. В улусе во всех домах электричество, а в некоторых уже и паровое отопление. Есть клуб, вечеринки очень оживленный, есть библиотека, кино, музей, гостиница для приезжающих.

Свадьбы бывают часто. Новобрачных поздравляет весь улус. В поэтических пожеланиях счастья поют: «Пусть

жизнь ваша будет подобна ясному лицу луны, подобна сочным травам в лучшую пору весны» и пусть в семье будет «полное оделло детей».

Почему бы не улыбаться основателю этого колхоза, бывшему батраку, ныне персональному пенсионеру Трагичи Данзанову, когда он, преезжая из окна своей «Победы» на необычные пастбища и многочисленные отары овец? Главный механизатор, называемый его здесь. И это сущая правда, хотя никаких курсов он не кончал, а просто полюбил и «понял» первый же трактор, появившийся в улусе четверть века назад. Данзанов, по его словам, «своими руками дошел до тайны каждой машины, прибывающей в колхоз, освоил грузовые и легковые машины всех известных здесь марок, стал первым электрификатором, радиофикатором, а сейчас и теплофикатором своего колхоза».

Сейчас в улусе коня любят, а теперь машину любят, — уже не улыбается, а хохочет Данзанов. — Я — механизатор, один сын — инженер, а другой еще выше забирает — скоро училище кончит и летчиком будет.

Сцена из оперы Б. Бриттена «Альберт Херинг».

Старая Кяхта нехотно раскрылась перед нами в сумеречное зимнее утро. Несколько зданий каменной кладки прошлого и позапрошлого веков и множество порыжевших от времени деревянных домов и домишков. Вот музей — в этом здании учился в начале XIX века первый бурятский ученик Доржи Банзаров. Вот дом, где родился академик Д. Н. Прянишников, где жил и работал академик В. А. Обручев, дом, в котором

Западные режиссеры не раз пытались акцентировать в спектакле черты болезненного «гофманства», привлекавшие фантасмагории, идеи бесслияния человека-марionетки перед всемогущим роком. Вальтер Фельзенштейн решительно опрокинул эти традиции, создав совершенно иную, по существу новый, вид спектакля. Три разрозненные новеллы — о трех любовных увлечениях Гофмана — превратились в три главы единого повествования. Гофман в спектакле не имеет ничего общего с тем опустившимися фантиком, которого привыкли изображать оперные режиссеры: здесь — пылкий романтик, влюбленный в жизнь и ненавидящий жалкий мирофон филистиков.

В «Сказках Гофмана» хор поет безусловно точно, чисто, слитно, и где не форсируя и умело сочтая естественное пение с неизреченным сценическим действием (хореограф Гюнтер Шмидт-Болдер). Отлично звучит оркестр — активный участник драмы; во всем спектакле ощущаются твердая рука и вкус его музыкального руководителя, чешского дирижера Вацлава Неймана.

Самой высокой оценки заслуживает тонкое и многогранное искусство певцов, исполнителей основных ролей. Проблема «звучания» в отрыве от сцены, от театрализованного образа вообще не возникает в этом коллективе. Каждый участник спектакля — синтетический актер, владеющий не только вокальным мастерством и высокой музыкальностью, но и всеми элементами актерской техники, включая безузорное эстрадное искусство диалога. В «Сказках Гофмана» на долю основных исполнителей выпадает особенно много трудностей, так как почти каждый из них играет по три-четыре различных ролей.

В «Сказках Гофмана» хор поет безусловно точно, чисто, слитно, и где не форсируя и умело сочтая естественное пение с неизреченным сценическим действием (хореограф Гюнтер Шмидт-Болдер). Отлично звучит оркестр — активный участник драмы; во всем спектакле ощущаются твердая рука и вкус его музыкального руководителя, чешского дирижера Вацлава Неймана.

Бриттен — один из немногих современных композиторов (род. в 1913 году), не поддающихся губительным догматам сверхмодернизма и развивающимся в условиях XX столетия угласающей оперной традиции. Музыка «Альберта Херинга» отмечена острым чувством театральности и искриминимом юмором, порой доходящим до злого шаржа. Использование

Восьмое ранение Ивана Плужникова

ЭТО СЧУТИЛОСЬ год назад. Рабочий московского завода «Динамо» имени Бирюса Иван Семенович Плужников почувствовал себя в цехе плохо: болел голова, в висках стучало. Отправившись у мастера, Плужников покатил на своей тележке к стоянке машин, упираясь пальчиками в асфальт: у него не было обеих ног. Как в тумане, он разыскал свою мотоколяску, включил мотор, поехал...

Давно вернулся с работы соседи, обед в духовке перестоял, а Ивана Семеновича все не было. Встревоженная Антонина Николаевна Плужникова позвонила на завод, затем в «Скорую помощь», в милицию...

Плужникова нашли только на второй день, в Люберецкой больнице. Оказалось, что он попал в автомобильную катастрофу и теперь лежал без сознания; голова его была перебита, лицо рассечено. Оказав инвалиду первую помощь, врачи, кажется, махнули на него рукой.

Несколько могла помочь тяжело раненному мужу плачущая, убитая горем женщина. Но в тот же день в больницу пришла Галия Лапшина, страждущая цеха, где десять лет проработал Плужников. Как она испугалась на врачей! Почему с пострадавшего не сняли рабочую спесь? Не значит ли это, что врачи заранее отказываются от него? Да знают ли они, какой человек к ним попал?!

Пометственный стлавер, Иван Плужников с начала Отечественной войны просился в артиллерию.

К ранению он относился, как к неизбежной «казарне на производстве». Из-за осколка, пробившего левое легкое, Плужников даже не стал ложиться в госпиталь: армия оставляла горящий Ростов, могли командир бросить свое оружие?

И вторая рана — пулемет, в правую руку — не вывела его из строя. Зато с третьей, полученной в боях за Сталинград, врачам пришлося повозиться: две пули прошли сквозь левую руку Плужникова.

Из госпиталя он вернулся в свою часть. В тяжелых боях под Яшкулем, в безводной камызской степи, орудие Плужникова подбило три танка. И тут разрывная пуля настигла артиллериста, задела нерв, управляющий мускулами лица. Но как только Плужников смог жевать сухари, он попросился на передовую.

Пятое ранение, шестое... Старшина попрежнему в строю.

Шел сорок пятый год, советские части сжимали стальное кольцо вокруг Кенингсберга, в воздухе все явственнее пахло весной и победой. Противник, прижатый к морю, пытались остановить продвижение наших войск. Шестистольные минометы — «скрипунцы», как их прозвали бойцы, — стреляли по плоским, наугад.

Сбитый воздушной волной, Плужников успел разглядеть метрах в двадцати от себя дымившуюся воронку, увидел красивый закат над заливом, даже на часы взглянул — шесть вечера. Лишь своих ног, перебитых осколками, не сумел разглядеть...

Ему ампутировали обе ноги. Травмированный, потрясенный, Плужников не знал, как будет жить дальше и надо ли вообще жить.

Пролежав больше года в госпитале близ Абельмановской заставы в Москве, он получил пенсию, но переселиться в инвалидный дом отказался:

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ИРАКЛИЯ АБАШИДЗЕ

Общественность Грузии отмечает 50-летие со дня рождения и 30-летие творческой деятельности одного из ведущих поэтов республики, представителя Союза писателей Грузии, секретаря правления Союза писателей СССР И. Абашидзе.

Правление Союза писателей СССР обратилось к И. Абашидзе с приветствием, в котором, в частности, говорится: «Ваш яркий, ярмойщий голос, годы твоих первых произведений советской литературы со страниц грузинской комсомольской печати. Вы принесли грузинской позиции слово поэта-патриота, взволнование воспев славных революционеров, героев, борьбы за Советскую власть, строителей первого в мире социалистического государства...»

Музыкально звучали «Ваш голос, суро- вые дни Великой Отечественной войны. В годы послевоенного мирного строительства и новых Ваших проникновенных пафосом всенародной борьбы за мир».

Большую популярность завоевали ваши произведения о выдающихся гру- зинских революционерах: Ал. Чуцунадзе, циклы стихов «Гасица „жатвы“, „Цветет Гурия“, „По следам Руставели“ и другие.

Заслуженным успехом пользуются такие ваши стихи для детей и переведенные братскими республиками произведения поэтов братских республик.

К славному юбилею Вы приходите в расцвете своего таланта.

От всей души желаем Вам, дорогой Ираклий Виссарионович, доброго здоровья, долгих лет жизни, новых больших творческих успехов на благо нашей родной многонациональной советской литературы.

Творения великого ученого

Сегодня ученыe всего мира отмечают столетие со дня выхода в свет труда Ч. Дарвина «Происхождение видов».

Создатель материалистического учения об историческом развитии, эволюции органического мира, гениальный Чарльз Дарвин навсегда останется в памяти человечества не только как основоположник научной биологии, но и как ученый, ставшийший перед наукой высокие задачи служения человечеству.

В декабре этого года выйдет в свет IX том академического издания сочинений Ч. Дарвина. Этот том содержит много материалов, которые до настоящего времени были неизвестны широким кругом советских читателей. Важнейшим документом, который впервые будет опубликован в СССР, является первая записная книжка Дарвина о трансмутации видов. В этой работе Дарвин еще 1837—1838 годах сформулировал основные положения своей теории естественного отбора. Два других важных документа — это полный текст его автобиографии, показывающий резко отрицательное отношение Дарвина к религии, и его личный дневник, который он вел с 1838 по 1881 год. Дневник этот все еще остается неизданным в Англии.

Среди многих материалов, впервые переведенных на русский язык, советские читатели увидят в IX томе написанную Ч. Дарвина биографию его деда, Эразма Дарвина, знаменитого натуралиста, эволюциониста и поэта XVIII века. В приложениях к тому даны обширные комментарии к работам Дарвина, ряд статей и воспоминаний о великом ученом, написанных его сыном и сотрудником, ботаником Фрэнсисом Дарвингом.

Портрет Ч. Дарвина с дарственной надписью К. А. Тимирязева

К. ЛАПИН

— Работать хочу! На заводе, у станка. В осенний день 1946 года Плужников выкатил из ворот госпитала на тележке с колесиками. На заводе «Динамо», куда он мечтал устроиться, не сразу признали инвалида.

— Куда его нам, на руках нести, что ли?.. У инвалидов свои артели есть, пусть корзинки плетут...

Плужников обратился к главному инженеру Черничину. Главный инженер понималу заколебался. Но крепкое пожатие руки бывшего металлурга, прямой взгляд серых глаз, привыкших не мигать, вогнал в огонь, изменили его мнение.

— А если до станка не дотянешься? — спросил инженер.

— Табакетку приспособим...

— Ну, а если, скажем, пить захотите?

— Так люди ж кругом. Попрошу — помогут...

И вот в одном из цехов завода появился новый «ученик». Сидя на высоком столике, он упрямо наматывал витки проволоки, меняя перегоревшую обмотку электромотора. Когда было трудно дотянуться до верхнего ряда, на подмогу спешила девушка-обмотчица Зина Макарова, въезжая на стульчики подъезд...

Работа за столом заходит о хороших людях — как много их, оказывается, прошло через жизнь Плужниковых! Товарищи по работе и соседи по дому. Врачи и медicsкие сестры. Работники райисполкома, давшие супругам однокомнатную квартиру в новом доме. Начальник районного управления благоустройства, по собственной инициативе сделавший для тележки Плужникова въезд на стульчики подъезд...

В первое время Антонина Николаевна приходилось встречать мужа в день полуторки у заводской проходной, «спасая» от подгузников дружков. А сколько ночей она не спала, когда острая боль корила тело мужа. Что пережила она за последний год, когда жизнь Ивана Семеновича висела на волоске!

И поднялся с постели, справился со своим восьмым, самым тяжелым ранением несгибаемый русский человек, бывший артиллерист, Иван Плужников. Как и прежде, сидит он за столом, поизнаная крепкий час, который так умеет захватывать супруга, и потягивает меня домашними пригоршнями. Только что ушли инженеры-тимуровцы, — они помогли по хозяйству Антонине Николаевне, прихвачившей последние дни.

И Плужников обратился к главному инженеру Черничину. Главный инженер понималу заколебался. Но крепкое пожатие руки бывшего металлурга, прямой взгляд серых глаз, привыкших не мигать, вогнал в огонь, изменили его мнение.

— А если до станка не дотянешься? — спросил инженер.

— Табакетку приспособим...

— Ну, а если, скажем, пить захотите?

— Так люди ж кругом. Попрошу — помогут...

И вот в одном из цехов завода появился новый «ученик». Сидя на высоком столике, он упрямо наматывал витки проволоки, меняя перегоревшую обмотку электромотора. Когда было трудно дотянуться до верхнего ряда, на подмогу спешила девушка-обмотчица Зина Макарова, въезжая на стульчики подъезд...

Когда этот очерк был уже написан, редакция «Литературной газеты» познакомила меня с письмом из Браслава. Автор его — инвалид, потерпел на войне ногу, работает на производстве, получает небольшую пенсии, имеет жену, детей. Живет он, судя по письму, трудно, но не так уж отчаянно плох, чтобы опуститься руки. Но в своем письме он начисто отрицает человеческое мужество, чувство колLECTива и взаимопомощи советских людей. Он пытается доказать, что человеку — всегда волк, что верить нельзя никому и ничему, в том числе и литературе. Он не верит, скажем, в подпись Мерсексы (мал, это «реклама для детей»), в трудовой подвиг Литфонда. Говорит о «вспоминании» Литфонда о себе.

И Плужников ехал на завод, ставший ему вторым домом. Он знал, что цеховая молодежь любит слушать в свободную минуту его рассказы о войне, видел, как действует и его личный пример.

Вот почему так вспомнился цех, узнав о восьмом ранении Плужникова! Вот почему в больнице, а позже к нему домой, зачастали товарищи по работе.

Многое пришлось вынести Плужникову за этот год. Перед тяжелейшей операцией, во время которой нельзя было даже приблизиться к обезболиванию, врачи требовались: выдержать ли нервы больного?

— А вы за меня не бойтесь, люди добрые! — успокаивал их Плужников. — Я первы в кулах замуж.

— Если ты мне поможешь, Иван Семенович, я тебя вылечу! — твердо обещала врач Надежда Васильевна Хлебникова.

— Ты знаешь: есть человек, который очень любит тебя!

— Женя? — не понял Плужников.

— Антонина Николаевна сама по себе, а я — сама...

Слова врача были, дополнительным «моральным фактором» успешного лечения.

Антонина Николаевна Плужникова думала не чаяла в своем муже. Двенадцать лет назад, когда она работала в райисполкоме, там нередко бывал Плужников. Не раз он жаловался вслух: на что ему зарплаты, на что свою компанию, если после работы он всегда один, если никто не поможет ни сварить обед, ни умыться, если в длинные бесконечные ночи он сидит на кровати и качается, качается до рассвета. Ведь первая жена с сыном бросили его, узнав о нечестии...

Присмотревшись к Плужникову ближе, Антонина Николаевна по-женски поняла и оценила человека. Труженик, настоящий герой, один из тех, о которых пишут в книгах, он отдал Родине все! И не сдается — живет, работает, мечтает о будущем. А какой он веселый, хороший, сильный! Она привыклась к нему, полюбила всем сердцем. Они поженились, несмотря на то, что мать Антонины Николаевны, старуха скосянная и властолюбивая, пришла в ужас от такого союза. Но и она впоследствии изменила свое мнение об Иване Семеновиче. Плужниковы зажили счастливо.

Плужниковы счастливы в своем доме, в своем цехе, в своем городе.

И Плужников ехал на завод, ставший ему вторым домом.

— А вы за меня не бойтесь, люди добрые! — успокаивал их Плужников.

— Ну, а если, скажем, пить захотите?

— Так люди ж кругом. Попрошу — помогут...

И вот в одном из цехов завода появился новый «ученик». Сидя на высоком столике, он упрямо наматывал витки проволоки, меняя перегоревшую обмотку электромотора. Когда было трудно дотянуться до верхнего ряда, на подмогу спешила девушка-обмотчица Зина Макарова, въезжая на стульчики подъезд...

Борисовы, познакомившиеся со дня амнистии из Сибири на родину: Серго Соловьевича и его жены Антонины Николаевны. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

Фото А. Князева

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят играть в шахматы.

На снимке: Плужников Иван Семенович и его жена Антонина Николаевна. Очень часто их навещают ученики 496-й школы, с которыми Плужниковы любят

у наших северных
соседей

ПЕШКОМ В НОРВЕГИЮ

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Обычный путь в Норвегию лежит через Хельсинки и Стокгольм либо через Копенгаген. Так и пришлоось бы мне, не удержавшись от штампа, повести рассказ о поездке в далекую скандинавскую страну: «И вот серебристая птица плавно коснулась земли...».

Но наше путешествие в Норвегию началось совсем по-другому. Мы шли по траве, обросшей крутыми мохнатыми кристаллами иней, мимо краснобурых валунов, приотивших на своих крутых гранитных плечах низкорослые бересклеты.

Непротоптанная дорожка четко фиксировала наши следы. Провожавший нас офицер-пограничник прошел вперед, и за повтором тропинки мы увидели другого офицера — в коротком плаще и высокой фуражке с желтым кожаным козырьком.

Пограничники двух стран встретились между ярко раскрашенными шлагбаумами — нашим красно-зеленым и норвежским желто-черным.

— Делегация на празднование 15-летия освобождения Северной Норвегии Советской Армией готова к переходу границы, — четко сказал наш пограничник. Норвежский полковник выслушал переводчика, и, помедлив, ответил:

— Норвежская сторона готова принять делегацию.

Они еще довольно долго о чем-то разговаривали и отдавали друг другу честь, потомолосатые шлагбаумы, как мне показалось, сами приподнялись, и мы сделали несколько шагов по той же тропинке.

Под ногами так же шуршила сухая трава и хрюстели кристаллы иея, такие же валуны с кривыми бересклетами на плечах окружали нас, но это была уже другая страна и другой мир. И времена здесь — мы перевели стрелки на два часа назад, хотя полярное солнце в том же положении никак висело над скалистым горизонтом. Так, утром покинув шумный многолюдный Мурманск, проехав на машинах через два горных перевала, мы к середине дня пешком пришли в далекую скандинавскую страну, оказавшуюся совсем поблизости.

Острое чувство новизны и необычности нашего пути не затушевалось тем, что некоторые из членов делегации проделывали этот путь во второй раз — через пятнадцать лет.

Тогда Советская Армия разгромила фашистские войска на севере, положила начало освобождению Норвегии и, выполнив свою миссию, вернулась на родную землю.

А память... Память осталась. И осталась могила на гранитных склонах севера Европы. И остался памятник в городе Киркенесе.

Наи советский солдат, изваянный из камня, стоит на берегу фьорда, в центре аккуратного двухэтажного города, среди ярко раскрашенных домиков, где живут рудокопы и рыбаки. Киркенес был полностью разрушен, сметен врагами с лица земли, как Лидице или Коневцы. В архиве Мурманского телевидения мы нашли старый фильм об освобождении Киркенеса, заснятый фронтовыми кинооператорами.

Мы взяли коробку с этой кинолентой и привезли ее в Норвегию. Члены общества «Норвегия — СССР» передали ленту хозяину кинотеатра, и он показал эту хронику сверх программы, перед демонстрацией какого-то обычного фильма — боевика с ковбоями, женщинами-вампирами, погонями. К ков-

боям и женщины-вампирам здесь привыкли, кинотеатр посещается плохо. Старая советская хроника привлекла жителей города. Маленький кинотеатр не смог вместить всех желающих. Люди смотрели на экране свои воспоминания. А военные — члены советской делегации — тоже показались норвежцам привычными.

«И вот явились тогда в туннеле, где мы прятались с детьми. Вы сказали — выходит, здесь война окончилась, пришла свобода. И мы вышли, подняв над головой норвежские флаги, неся на руках детей».

На улицах Киркенеса мы беседовали с двумя рослыми крепкотелыми парнями в голубых свитерах — теми самыми, которых родители пятнадцать лет назад вынесли на руках из мрачного туннеля. «— Вы окончили школу? — спросил я их. — А теперь чем занимаешься?»

— Мы безработные, — с каким-то особым достоинством (не бездельники, а безработные) ответил один из юношей. — Летом есть работа в море, зимой ее получить труднее.

Два советских пехотинца и два моряка — члены нашей делегации, участники освобождения Финляндии — стоят в молчаливой толпе норвежцев на площади иностранного города, у памятника советскому воину. А я думал в эту минуту об их боевых товарищах, давно вернувшихся в свои дома, в мирному труду, к своим семьям в Сибири, на Дальнем Востоке, в Туркмении или где-нибудь под Курском. Иные вспомнили, что выньте памятника дата. А иные, быть может, и не вспомнили. Выполнили свой долг, вернувшись, приступили к очредным делам. Все естественно, все правильно.

А о них сохранилась в Норвегии добрая память! От многих норвежцев слышали мы, например, о капитане Дьяконове. Я не знаю, кто он, где он сейчас, но он по-норвежски рассказывал в городах и рыбачьих поселках о своей великой стране, и рассказы его не забыты. Его фамилию норвежцам трудно выговорить, и они это делают с большими прилежанием.

Капитан Дьяконов! Я был горд за вас и, честно говоря, даже по-хорошему позавидовал вашей светлой славе.

В Северной Норвегии капитана Дьяконова, его живых и мертвых товарищей представляют памятники советскому воину, изваяанный из камня сразу после войны норвежским скульптором. Наш соотечественник в гимнастёрке и пилотке попирал сапогом фашистскую свастику. Но вскоре каменную свастику убрали из-под его сапога. Жители Киркенеса по-разному говорят об этом: одни считают, что свастика окончательно разделась и вопрос, так сказать, исчерпан; другие полагают, что правильней было бы не трогать скульптуру. Впрочем, искусство не терпит тайного подавления, и позже — красно-синий ромб с изображением бегущего волка — эмблема местной воинской части.

Майор говорит, а солдаты — тоже без пинея — выстроившиеся вокруг памятника, салютуют карабинами и склоняют черное знамя с желтым коронованным львом.

Речь майора кратка, ее не успевают перевести, когда он опускается на колени и присоединяет свои цветы к венкам.

Вечером я познакомился с молодовым майором. Он командаeт местным гарнизоном. За его плечами большой путь — с бортом он сражался против нацистов на своей родной земле, потом пробрался в Англию, чтобы вновь спуститься на парашюте в ущелье норвежских скал. Майор сдержан, немногим словен, и я испытываю обычную при встрече с такими людьми досаду журналиста: как разгадать этот пестрый ромб с изображением бегущего волка?

На торжественном обеде при срочках (Норвегия — одна из самых богатых электротехнических стран, а свечи — лишь дань традиции) майор оказывается рядом со мной, а переводчик — в другом углу. Мы молчим. Впрочем, нам и положено молчать — заранее известно, кто и во время подачи какого блюда будет говорить речи.

Но майор нарушает распорядок, именуемый на языке дипломатов протоколом. Не попросив слова, он решительно поднимается и произносит несколько эпитетов, звучящих, как рапорт, фраз.

Он вручает советским офицерам почетную медаль своего гарнизона. Его награждаются герои. Это металлическая эмблема — тот же, что и на плече мундира, черный волк, бегущий в красно-синем ромбе, подписи: «Самая северная воинская часть на Севере, сама восточная на Востоке» и слова благодарности Советской Армии, специально выгравированные на полированной стали.

Мне так и не удалось поближе познакомиться с норвежским майором, заполнить свой блокнот данными его биографии. Но я знаю одно: он был в рядах наших союзников в годы второй мировой войны и как боец против фашизма остался союзником навсегда.

Празднование 15-летия было едино-

значительным.

В наших отношениях с Норвегией есть не только «вчера», но есть и «сегодня» и «завтра».

Завтра мы начнем путешествие по норвежскому Северу. Эти гранитные просторы уже не пройдешь пешком — придется переплыть заливы на рыбачьих судах, огибать фьорды на кораблях, ехать на машинах по извилистым горным дорогам.

Сколько вклада «Нью-Йорк геральд трибюн» в «холодную войну», отчаянной попытке раздуть угарящий костер.

Кто то очень заинтересован в том,

чтобы ликвидировать то искрение и

массовое стремление к дружбе с социалистической половиной мира, которое охватило народы Америки и Европы после визита Н. С. Хрущева в США.

Да мы, пожалуй, знаем, кто этот «кто-то».

Это крупные концерны, разбогатевшие на военных поставках, оставленные политические деятели, сделавшие

когда-то карьеру на раздувании военного психоза, тыловые, но воинственные генералы, черпающие ордена и звания из «холодной войны», газетные военные, жаждущие жирных объявлений от военных промышленников, и на самом конце этой длинной цепи — маленький изолевшийся человек, Роузленд Эванс-младший!

Даже высокую рожаемость (которая является выразительным признаком возросшего благосостояния в Польше) Эванс подает как «кризисное явление», утешая себя надеждой, что прирост населения «ведет на путь планирования».

Родители тоже одеты по безупречной моде.

Картина восхитительно яркая.

Мрачные пророчества о том, что со-

единение инициирует

войну, не сбываются.

Но погодите! Эванса, оказывается, посыпают и политические идеи. Рас-

суждение о лошадином обжорстве за-

канчивается сентенцией: «Продолжи-

тельный продовольственный кризис

может навязать существующему режиму

серезный политический кризис». Вот

кем сгодится девичий мечты Эванса-

младшего!

Даже высокую рожаемость (которая

является выразительным признаком

возросшего благосостояния в Польше)

Эванс подает как «кризисное явление»,

утешая себя надеждой, что прирост насе-

ления «ведет на путь планирования».

Родители тоже одеты по безупречной

моде.

Картина восхитительно яркая.

Мрачные пророчества о том, что со-

единение инициирует

войну, не сбываются.

Но погодите! Эванса, оказывается,

поссыпают и политические идеи. Рас-

суждение о лошадином обжорстве за-

канчивается сентенцией: «Продолжи-

тельный продовольственный кризис

может навязать существующему режиму

серезный политический кризис». Вот

кем сгодится девичий мечты Эванса-

младшего!

Даже высокую рожаемость (которая

является выразительным признаком

возросшего благосостояния в Польше)

Эванс подает как «кризисное явление»,

утешая себя надеждой, что прирост насе-

ления «ведет на путь планирования».

Родители тоже одеты по безупречной

моде.

Картина восхитительно яркая.

Мрачные пророчества о том, что со-

единение инициирует

войну, не сбываются.

Но погодите! Эванса, оказывается,

поссыпают и политические идеи. Рас-

суждение о лошадином обжорстве за-

канчивается сентенцией: «Продолжи-

тельный продовольственный кризис

может навязать существующему режиму

серезный политический кризис». Вот

кем сгодится девичий мечты Эванса-

младшего!

Даже высокую рожаемость (которая

является выразительным признаком

возросшего благосостояния в Польше)

Эванс подает как «кризисное явление»,

утешая себя надеждой, что прирост насе-

ления «ведет на путь планирования».

Родители тоже одеты по безупречной

моде.

Картина восхитительно яркая.

Мрачные пророчества о том, что со-

единение инициирует

войну, не сбываются.

Но погодите! Эванса, оказывается,

поссыпают и политические идеи. Рас-

суждение о лошадином обжорстве за-